

19. Путники в ночи

Хейдьюк спрятал свой джип среди сосен неподалеку от входа на участок вырубki и устроил Бонни на капоте, приказав держать глаза открытыми и уши промытыми. Она нетерпеливо кивнула.

Он надел каску, комбинезон, пистолет с кобурой, рабочие перчатки, взял небольшой фонарик и необходимые инструменты и исчез из виду в глубоких сумерках лесосеки, как тень среди огромных машин. Она хотела было почитать, но было уже слишком темно. Сначала она пела песни, мягко, негромко, и слушала крики птиц — птиц неведомых ей и невидимых где-то в глубине леса, устраивающихся на ночлег в своих гнёздах, засунув голову под крыло, уходя в простые, безопасные птичьи сны. (У птиц ведь нет головного мозга).

Лес казался вечным и неизменным. Ветер стих, затихли и птицы, и тишина стала более тонкой и глубокой. Бонни знала, об окружающем её высоком соседстве, о задумчивых жёлтых соснах, о тёмных мохнатых личностях ели Энгельмана и канадской белой ели, их высоких коронах, завершающихся шпилями, как кафедральные соборы, что повёрнуты под разными углами (поскольку всё, что растёт, должно различаться) к сияющему множеству звёзд первой величины, что, зажигаясь, прилагают все усилия к тому, чтобы украсить нашу обширную расширяющуюся вселенную. Бонни, однако, уже видела это; она перевернулась и закурила свою сигаретку с марихуаной.

Тем временем Джордж В. Хейдьюк под брюхом бульдозера пытался сдвинуть с места огромный гаечный ключ, чтобы открыть сливную пробку картера этого HD-24 Эллис-Чалмерс. Самого огромного из всех, которые выпускает Эллис-Чалмерс. Гаечный ключ был три фута длиной, — он только что достал его из инструментального ящика, — но ему не удавалось провернуть эту квадратную гайку. Он взял своё вспомогательное орудие — трёхфутовый кусок трубы, — надел его, как рукав, на конец гаечного ключа и снова потянул. На этот раз гайка подалась — на какую-нибудь долю миллиметра. Но этого было достаточно; Хейдьюк рванул снова, и гайка начала поворачиваться.

До сих пор он не делал ничего особенного, — обычные рутинные операции. Где было возможно, он выпускал масло из картеров машин, чтобы завести их непосредственно перед отъездом. (Фактор шума). У него не было ключей, но он надеялся найти их, взломав замок на домике конторы участка. Ещё один поворот ключа, и масло начнёт вытекать. Хейдьюк отодвинулся, перехватил поудобнее рукоятку ключа. И остолбенел.

— Как там дела, друг? — спросил мужской голос, низкий и глубокий, не далее чем в двадцати футах от него.

Хейдьюк потянулся за своим пистолетом.

— Не-е, не делай этого. — Мужчина щёлкнул выключателем, направив луч мощного электрического фонаря прямо в лицо Хейдьюку. — У меня вот что есть, — пояснил он, ткнув дуло своего явно двенадцатизарядного ружья в луч света, где Хейдьюк мог его хорошенько рассмотреть. — Вот, и он заряжен. И взведен. И он раздражительный, как гремучая змея.

Он помолчал. Хейдьюк ждал.

— Ладно, — сказал незнакомец, — а теперь ты полезай-ка обратно туда вниз и кончай там свою работу.

— Кончать?

— Давай.

— Я там кое-что искал.

Мужчина рассмеялся лёгким, приятным смехом, но не без угрозы.

— Правда? Ну и какого же чёрта ты там ищешь в потёмках под картером этого клятого бульдозера?

Хейдьюк внимательно обдумывал ответ. Это был хороший вопрос.

— Н-ну, — сказал он и умолк.

— Давай, заканчивай там всё. Делай своё дело.

— Н-ну ...

— Ты, должно быть, хорошо работаешь.

— Да. Ну, я искал... ну, я пишу книгу о бульдозерах и решил, что мне надо посмотреть, как они выглядят. Снизу.

— Это не очень-то здорово. Так как же они выглядят снизу?

— Грязные.

— Что я тебе скажу, друг, чтобы ты перестал трепыхаться. Что это за трёхфутовая штука у тебя в руках. Ею ты, что ли, свою книгу пишешь?

Молчание.

— Ладно, — сказал незнакомец, — давай, кончай свою работу. — Хейдьюк колебался. — Делай, что сказано. Отвинти эту пробку. Выпусти масло.

Хейдьюк сделал, что сказано. После всех дебатов дуло пистолета, как прежде луч фонаря, было направлено прямо ему в лицо. А пистолет на близком расстоянии, знаете ли — мощный

аргумент. Он работал, отвинтил пробку; масло, гладкое, плотное, освобождённое, полилось на взрыхленную почву и внутрь неё.

— Теперь, — приказал незнакомец, — брось ключ, положи руки за голову и типа выползай оттуда на спине.

Хейдьюк повиновался. Что было нелегко, — извиваясь, выползать из-под трактора на спине, не помогая себе руками. Однако он вылез.

— Теперь ложись лицом вниз. — Снова Хейдьюк послушно выполнил приказание. Мужчина поднялся на ноги (до сих пор он сидел на корточках), подошёл вплотную, вытащил пистолет Хейдьюка, шагнул назад и снова присел на корточки.

— Ладно, можешь перевернуться и сесть. — Он осмотрел игрушку Хейдьюка. — Калибр.357. Мощная штука.

Хейдьюк сидел прямо напротив него. — Ты можешь не светить мне прямо в лицо своим фонарём.

— Ты прав, друг. — Незнакомец выключил фонарь. — Виноват.

Они глядели друг на друга во внезапно наступившей тьме, размышляя, вероятно, о том, кто из них лучше и быстрее видит в темноте. Но незнакомец держал свой указательный палец на спусковом крючке пистолета. Они достаточно хорошо видели друг друга в свете звёзд. Некоторое время оба сидели неподвижно.

Незнакомец откашлялся.

— Уж очень медленно ты работаешь, — пожаловался он. — Я следил за тобой, наверное, с час.

Хейдьюк молчал.

— Однако я вижу, ты молодец. Работаешь хорошо. Тщательно. Мне это нравится. Мужчина сплюнул на землю. — Не то что некоторые из этих дурацких пиджонов, что я видел на Пороховой реке. Или вокруг Таксона. Или эти шизики, что пустили под откос — как тебя зовут?

Хейдьюк открыл было рот. Генри Лайткеп? Джо Смит? А если ...

— Ладно, оставь. Мне это знать не надо.

Хейдьюк старался разглядеть в свете звёзд лицо, находившееся в десятке футов от него, постепенно становившееся чётче. Он увидел, что на незнакомце была маска. Не чёрная маска на глазах, а просто большой платок, прикрывавший нос, рот и подбородок, как носят бандиты в кинофильмах. Над маской, из-под обвисших полей шляпы, сверкал на Хейдьюка один — правый — тёмный глаз. Левый оставался закрытым, как если бы человек зажмурил

его навсегда. Хейдьюк в конце концов сообразил, что левого глаза у того просто нет, нет уже давно, он был потерян и забыт, потерян, несомненно в какой-нибудь драке в баре, в какой-нибудь легендарной войне.

— Кто ты? — спросил Хейдьюк.

Мужчина в маске ответил тоном и удивлённым, и обиженным. — Тебе этого знать не надо. Не очень-то приятный вопрос.

Тишина. Они смотрели друг на друга.

— Ты, небось, подумал, что я ночной сторож, а? И пот прошиб, должно быть?

— А где сторож?

— Там. — Незнакомец резко ткнул большим пальцем в сторону передвижного домика конторы. Рядом с ним стоял пикап с фирменными наклейками.

— Что он там делает?

— Ничего. Я связал его и сунул кляп в рот. Он в порядке. Продержится до утра понедельника. Лесорубы вернутся и освободят его.

— Утро понедельника завтра.

— Ну, да, я думаю, мне уже надо сматываться отсюда.

— Как ты добрался сюда?

— Для такой работы я люблю лошадь. Может, не так быстро, зато тише.

Снова молчание.

— Для какой «такой работы»? — спросил Хейдьюк.

— Для той же, что и ты делаешь. Уж больно ты много вопросов задаёшь. Хочешь взглянуть на мою лошадь?

— Нет. Я хочу получить обратно свой пистолет.

— Ладно. — Незнакомец вернул его. — В следующий раз лучше держи своего караульного поближе.

— Где она? — Хейдьюк положил свой пистолет обратно в кобуру.

— Там же, где ты её оставил, на джипе, дымит своей этой маленькой сигареткой Мэри Джейн. Или дымила. — Незнакомец помолчал, вглядываясь в окружавшую их ночь, и снова обернулся к Хейдьюку. — Вот ещё кое-что, это тебе понадобится, — сказал он, пошарив в

кармане и протянув ему связку ключей. — Теперь ты сможешь завести эти моторы и сжечь их как следует.

Хейдьюк звякнул ключами и поглядел на контору. — Ты уверен, что сторож в порядке?

— Я его связал, напоил до смерти, надел наручники, заткнул рот кляпом и запер.

— Напоил до смерти?

— Он уже был полупьяным, когда я пришёл туда. Когда я на него насел, он допил свою пинту бурбона и отвалился, испуганный и довольный.

Так вот почему никто не пикнул, когда я стучал в дверь. Хейдьюк взглянул на незнакомца в маске, — тот уже нетерпеливо перебирал ногами, готовый уйти.

Высокий голос, напряжённо-испуганный, раздался из темноты:

— Джордж, у тебя всё нормально?

— У меня всё нормально, — прокричал он в ответ. — Оставайся на месте, Натали. Продолжай наблюдать. И потом — меня зовут Леопольд».

— Хорошо, Леопольд.

Хейдьюк снова звякнул ключами, глядя на тёмную махину трактора рядом с ним.

— Не уверен, что смогу его завести.

— Я тебе помогу. Я не так чтоб уж очень сильно торопился, — ответил этот, в маске.

Где-то в лесу лошадь заржала, забила копытом, зашаркала. Мужчина послушал, обернулся в ту сторону. — Спокойно, Роза. Я приду через пару минут. — Затем, обращаясь к Хейдьюку: — Давай.

Они взобрались на водительское сиденье большого трактора. Взяв у Хейдьюка ключи, незнакомец выбрал один из них и отпер лючок за педалями тормозов на полу кабины оператора; показав Хейдьюку рубильник, он включил его. В отличие от старого Катерпиллера в Хайт Марине, этот трактор заводился исключительно от блока аккумуляторов.

— Ну, ладно, — сказал одноглазый, — теперь нажми вон ту маленькую кнопку за рычагом скорости.

Хейдьюк нажал...

Хейдьюк был в восторге. Он потянул на себя рычаг газа, и двигатель плавно увеличил обороты, готовый к работе. (Однако начал очень быстро нагреваться).

— Сейчас я сотворю что-нибудь с этой машиной, — радостно объявил он незнакомцу.

— Да уж конечно.

— Я хочу сказать, растолкаю тут всё в разные стороны.

— Тогда тебе лучше поторопиться. Она не проработает и нескольких минут. — Незнакомец бросил взгляд на инструментальную панель: давление масла — нуль, температура двигателя повышается. Уже начал раздаваться странный нездоровый звук, вроде завываний больной собаки.

Хейдьюк отпустил стопорный рычаг и включил скорость. Трактор тяжело рванулся вперёд на опущенный нож бульдозера, сразу сдвинув тонну грязи и два пня жёлтой сосны в сторону конторы компании Джорджия-Пасифик.

— Не туда, — закричал незнакомец, — там человек внутри.

— Верно. — Хейдьюк остановил машину, навалив всю кучу на прогнувшуюся стену домика конторы. Он сдвинул реверс и наехал на пикап Джорджии-Пасифик; тот лопнул, как жестяная банка. Хейдьюк смял обломки бульдозером, раскатал их, смешав с землёй.

Следующий? Хейдьюк оглянулся вокруг, высматривая в свете звёзд очередную цель.

— Посмотри, что ты сможешь сделать вон с тем трелёвщиком Кларка, — предложил мужчина в маске.

— Проверим. — Подняв нож бульдозера, Хейдьюк развернул его и на полной скорости — пять миль в час — врезался в трелёвщик. Тот развалился; раздался громкий хруст стальной плоти и железных костей. Он развернул трактор на 200 градусов и нацелился в цистерну, полную дизельного топлива.

Кто-то пронзительно кричал, обращаясь к нему. Или что-то?

Полный вперёд. Трактор рванулся вперёд на один оборот зубчатого колеса и остановился. Блок двигателя дал трещину; фонтан пара ударил вверх, нетерпеливо свистя. Двигатель боролся за жизнь. В коллекторе что-то взорвалось, и из выхлопной трубы вырвалась струя голубого пламени, запустив к звёздам сноп горячих искр. Двенадцать поршней, тесно связанных в своих камерах, превратились в одно спаянное целое с цилиндрами и блоком, одну добела раскалённую неподвижную энтропическую молекулярную массу. Всё есть Одно. Крик всё ещё раздавался. Пятидесятитонный трактор, кричащий в ночи.

— Мы его прикончили, — сказал человек в маске. — Больше мы тут ничего сделать не можем. Он выбрался из кабины назад под восьмитонными рипперами. — Пошли, — закричал он. — Кто-то идёт. — И растаял в темноте.

Хейдьюк взял себя в руки, выбрался из трактора. Он всё ещё слышал чей-то крик. Бонни.

Она дёргала его за рукав, указывая в сторону леса. — Ты что, не видишь? — кричала она. — Огни, огни! Да что с тобой?

Хейдьюк посмотрел туда и схватил её за руку. — Сюда!

Они побежали по вырубке между пней, под укрытие лесного шатра, и тут на вырубку, грохоча, выехал грузовик. Фары включены, фара-искатель осветила всё вокруг и почти поймала их своим лучом.

Но не совсем. Они уже были в лесу, среди дружественных деревьев. Нащупывая в темноте дорогу туда, где Хейдьюк надеялся увидеть свой джип, они вдруг услышали гром копыт. Кто-то во весь опор мчался галопом мимо них верхом на лошади. Из грузовика, остановившегося у свистящего бульдозера, высадилось несколько человек — один, два, три — невозможно сосчитать в темноте. Хейдьюк и Абцуг смотрели, как они освещали фарой вырубку, деревья в поисках лошади.

Опять слишком поздно: всадник мелькнул — и исчез в лесу, промчался по дороге к границе ночи. Грохнул выстрел — раз, другой, — в бессильном протесте, и всё стихло. Топот копыт замер вдали. Люди из грузовика поспешили на помощь кому-то, кто колотил изнутри в стены конторы. Тяжеленько им придётся вытаскивать его из-под той груды земли, что Хейдьюк навалил на искорёженную дверь.

Бонни и Джордж влезли в свой джип.

— Ради Бога, кто это был? — потребовала Бонни.

— Сторож, я думаю.

— Да нет, я говорю, этот всадник?

— Не знаю.

— Но ты же был с ним.

— Я ничего о нём не знаю. Закрывай дверь и давай уносить ноги отсюда. — Хейдьюк включил двигатель.

— Нас услышат, — сказала она.

— Да нет, за шумом бульдозера не услышат. — Он потихоньку повёл машину между деревьями, не включая фар, только в свете звёзд, потом по главной лесной дороге, направляясь обратно на автостраду к Северному кряжу. Почувствовав, что отъехал достаточно, и опасность миновала, он включил фары и газанул. Хорошо отлаженный джип мягко заурчал и плавно понёсся вперёд.

— Ты в самом деле не знаешь, кто это был?

— Я правда не знаю, милая. Я сказал тебе всё, что знал. Зови его Кемосабе.

— Что это за имя?

— Это слово на языке индейцев пайюта.

— Что оно значит?

— Дурная башка.

— Это логично. Подходит. Я есть хочу. Накорми меня.

— Подожди, пока мы ещё немного отъедем от этой лесосеки.

— А кто был в том грузовике?

— Я не знаю, и не хотел болтаться вокруг, чтобы узнать, а ты? — Он решил уколоть её этим.

— А ты, мой лихой караульный?

— Слушай, — сказала она, — ты тут по этому поводу не выступай. Ты велел мне быть при джипе — и я была. Ты хотел, чтобы я следила за дорогой, — я следила.

— Ладно, — сказал он.

— Ну так и заткнись.

— Ладно.

— И развлекай меня, мне скучно.

— Ладно. Вот кое-что для тебя, настоящая головоломка. Какая разница между Одиноким Рейнджером и Богом?

Бонни думала об этом, пока они ехали лесом. Она скрутила маленькую сигаретку и думала, думала, думала. Наконец сказала: — Что за глупая головоломка. Сдаюсь.

— Одинокий Рейнджер существует на самом деле.

— Не понимаю, — сказала Бонни.

Он потянулся к ней, обнял, усадил уютно рядом с собою. — Неважно.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:06:48

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:07:07